

ЕЛЕНА ФЕНИКС

**МЕЖДУ АНГЕЛОМ И БЕСОМ,
МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Феникс

**Между ангелом и бесом,
между небом и землей**

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Елена Феникс

Между ангелом и бесом, между небом и землей / Елена Феникс —
«ЛитРес: Самиздат», 2006

ISBN 978-5-5321-0149-4

У каждого из нас своя миссия на этой земле. И у каждого за правым плечом ангел, а за левым - бес. Ангел направляет, бес сбивает с пути истинного. А настоящая Любовь дается в награду только тем, кто успешно справился с этой миссией. Таких пока единицы. Мы искренне надеемся на то, что после прочтения этой книги таких людей в России станет хотя бы немного больше. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0149-4

© Елена Феникс, 2006
© ЛитРес: Самиздат, 2006

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Прежде, чем мне было позволено прикоснуться к этой теме и написать первую фразу, со мной произошло в общем-то рядовое, незапланированное событие. Я неожиданно для себя попала в Елоховскую церковь в Москве. После работы за мной в офис заехал мой брат Игорь. Не говоря ни слова, он привез меня в этот храм. Я знала, что ничто не происходит случайно, что в любом, самом будничном событии всегда сокрыт глубокий смысл. Вот и теперь я поняла, что мне необходимо испросить позволения приступить к написанию книги, которую я уже несколько месяцев обдумывала.

Что-то мешало мне сесть за работу. Не строилась сюжетная линия, шли обрывы мыслей, но главное – присутствовал страх. Я собиралась «привязать» земные события к небесному плану, рассказать о предопределенности бытия, о предначертанности судьбы. И этому у меня были доказательства. Страх же был вызван тем, что мои доводы могли быть опровергнуты читателями одним лишь словом: случайность! То есть, даже, если со мной лично происходили некие события, которые я задолго до их осуществления в реальности видела во сне, даже, если события те были предсказаны мне ясновидящими, все это по большому счету не является доказательством того, что у каждого человека существует план судьбы. И что каждый из нас живет в рамках давно и тщательно продуманного сценария, который мы неосознанно корректируем своими поступками.

Тема представлялась мне столь многогранной и масштабной, что без помощи Высших сил, без их одобрения обойтись было невозможно.

В Елоховской церкви я уже бывала и всякий раз моя душа испытывала здесь удивительное спокойствие и радость независимо от того, в каких жизненных обстоятельствах я в это время находилась. Поняв, что меня сюда привели, я отключила мысли и расслабилась. Едва переступив порог церкви, мои ноги сами направились к Иоанну Богослову! Я не знала прежде, где именно находится эта икона и есть ли она в этом храме вообще. Как не было у меня в мыслях поставить свечу именно этому святому и именно его просить о помощи в написании книги.

Мысленная молитва полилась из меня потоком. Я просила вложить в мои уста те слова, которые силы небесные хотели бы донести до людей. Я просила не дать мне сгореть в огне Божественной энергии и не отступить от нее ни на шаг, написать то и так, что должно наполнить души людей светом и верой, помочь им понять себя и почувствовать в себе Бога.

Я поставила свечу святому, подошла к иконе Иисуса, долго и страстно благодарила его за все посланные мне испытания, потому что если бы не они, я бы не смогла найти дорогу к Нему. В какой-то момент взгляд Иисуса на иконе ожил! Он был теплым, добрым! На душе у меня стало невероятно празднично! Он услышал, Он понял, Он поможет, как помогал всегда! И каждая моя строчка – суть Его одобрение.

И сейчас на моем столе перед компьютером стоят иконы Иисуса, Николая Чудотворца, Ксении Петербургской и Митрополита Московского Феофана, а за спиной – архангела Гавриила. Передо мной лежит ладан, аромат которого я вдыхаю всякий раз, когда сажусь за книгу, и горит свеча – чтобы нечистые мысли не препятствовали работе.

Только бы выдержало мое сердце! Напор огненной энергии так силен, что порой трудно дышать. Голову разрывает изнутри, мысли строятся в очередь и торопят пальцы, стучащие по клавишам компьютера. Пальцы не успевают! Мне дают передохнуть, но совсем чуть-чуть, только, чтобы поспать и приготовить быструю еду. Чтобы ничто не отвлекало от написания книги, у меня не работает работающий телевизор – какая-то неожиданная беда то ли с антенной, то ли с кабелем. Только в одну сторону начал работать проводной телефон: я могу звонить, мне – нет. Даже то, что со своими сыновьями я сейчас не вместе, живу на квартире одна, дано мне для того, чтобы материнские хлопоты не перетягивали «одеяло» на себя.

После посещения Елоховской церкви в астральном видении я увидела, как огромному, в светлом одеянии мужчине явно неземного происхождения кто-то протягивает листы бумаги,

и я понимаю, что это выдержка из вот этой моей будущей, еще ненаписанной книги. Мужчине показываютна слово «Воплощение». И он кивает головой, и я слышу его одобрительное «Да».

Воплощение – термин не христианский! В Библии об этом нет ни слова. Реинкарнация, перевоплощение – это из буддизма, ламаизма.

Как такое может быть? Ведь Бог – один? Почему этот основополагающий момент обойден Священным Писанием? Так не от недоверия ли, не от отсутствия ли знания о прошлом своем и будущем, о предназначении, которое должны выполнить в этой жизни, мы идем к гадалкам, в духовные центры за приворотами, снятиями проклятий и порчи...? А ведь, знай мы себя, умей мы душой прикоснуться к Нему, насколько ярче, красивее и счастливее стала бы наша жизнь!

Глава первая

Какая разница, проиграешь ты то, что выиграл, или выиграешь то, что проиграл?

– Ты счастлива? – спросил Роман, заглядывая мне в глаза. – Ты победила! Понимаешь?! Он, наконец, поставил мое замерзшее тело на бrenную землю, и я смогла разглядеть его в свете яркого фонаря.

Роман сильно сдал. Его некогда черные волосы приобрели... в другое время я бы сказала – благородную седину. Но седина Романа была неблагородного, не возрастного происхождения. Роман попал в жернова жизни и побелел, очевидно, от потерь и ударов.

Я всегда пристально следила сначала за его восхождением, потом – за стремительным падением. И в том, и в другом случае он в какой-то момент переставал владеть собой и начинал на потеху врагам совершать серьезные ошибки.

Романа заносило.

В благополучные периоды, когда он не сходил с экранов телевизоров и вещал об умных вещах планетарного масштаба, Роман становился недостижим даже для вчерашних друзей, лишь изредка одаряя их сановным вниманием в виде легкого кивка красивой головы и обещая поддать всем перцу. И – исчезал. Улетал, уезжал, уплывал, чтобы в этот же день вынырнуть где-нибудь рядом с бастующими русскими в Прибалтике или поставить на место зарвавшихся братьев-украинцев. Или мирно посидеть за любовно сервированным столом на берегу дикого озера в российской глубинке. Да мало ли способов с политической пользой и услугой физического тела провести рабочее время.

Когда же дела Романа пошли вкривь и вкось, он стал еще более недостижим, ибо его гордость не позволяла ему предстать перед прежними друзьями в облике неудачника.

В каком амплуа Роман явил себя передо мной в этот морозный вечер, я не могла понять. С экранов телевизоров и радиоэфира он давненько исчез, журналисты потеряли к нему интерес, предварительно поточив об него зубы и перья. Поговаривали, что канет теперь в политическую лету Роман Алексеевич, не сможет возбудить народ обещаниями некоей особой жизни, признаки которой в его речах угадывались весьма смутно и имели сомнительное свойство – идти на абордаж не знамо чего, не знамо с кем, не знамо зачем. То есть четкой программы действий у Романа не было. Был какой-то мальчишеский задор и максимализм, не стыкуемый с реалиями.

Впрочем, удивляться не приходилось. Роман обходился без советников, пиарщиков тоже не держал. Никто не выстраивал его политическую линию, никто не помогал оформить в логичные и последовательные словеса его цели и задачи, никто не писал ему умные речи. Он все делал сам. И получал от этого кайф. И его заносило. Примерно так, как занесло сегодня ко мне.

С какой стати ему, политику, приносить мне эту новость: журналистка из забубенного региона выиграла суд о восстановлении на работе! Ну и что? Нет, конечно, случись такое счастье пару годков назад, я бы, может, и задрала нос: самого губернатора «обула»! Ведь именно он, негодник, упорствовал в отстаивании мной прав «человека и парохода». А сегодня...

– Я счастлива! – честно посмотрев в глаза Роману, сказала я. И прислушалась к себе. Мое второе Я молчало. И тоже к чему-то прислушивалось. Наверно, пыталось понять, чем чревата моя победа? Ведь на Кавказе женщине могут простить все – загулы, пьянство, даже тумачи мужу, но противостояния на равных, в профессиональной сфере, да к тому же щелчка по носу в виде победы над властными – никогда! И что теперь мне ожидать от этой победы, что с ней делать, я не имела представления.

Фейерверк, только что развернувшийся над моей головой от прикосновения губ совсем недавно нежно любимого человека, потух, оставив в память о себе седую, как Романовы волосы, дымку в морозном московском небе.

– Пойдем к тебе?! – предложил Роман.

Я поежилась и отрицательно покачала головой. По логике, я вела себя глупо. Я должна была со счастливым смехом висеть сейчас на его шее, захлебываться слезами и рассказывать, как мне было плохо без него, как я ждала, как верила, что он помогает мне. Я должна была колотить широкую Романову грудь кулачками и радостно-обиженно плакать, причитая, например, в таком духе: «Где ты раньше был, целовался с кем?»

Короче, я должна была быть просто женщиной. Но для начала я вообще должна была быть. Но меня не было. А та, что была, была не я. От той меня – яркой и огненной, которую знал Роман, и которая вусмерть бодалась со Ставгородской властью, осталось одно воспоминание. Та я давно умерла. А эта пыталась заново родиться, но никак не могла. Застряла где-то в родовых путях и совершенно одурела от боли. Попробуйте-ка годков несколько биться головой о бетонную стену по имени Региональная Власть, при этом получая пинки сзади и зуботычины сбоку! Но не живописать же Роману о таких прозаических вещах? А других «вещей» у меня не было. Можно сказать, у меня на этот момент вообще ничего не было: ни родины, ни жилья, ни работы, ни денег, ни имени, ни друзей, ни семьи, ни здоровья, ни перспективы, ни – что самое страшное – желания обрести все это. Любой затрапезный бомж казался богаче меня и счастливее. По крайней мере, никто не преследовал его, и он мог честно и прямо смотреть людям в глаза, попрошайничая, заливая в голодную утробу всякую нечисть, и мирно укладываясь на ночлег под первым попавшимся забором.

Наверно, у бомжа тоже когда-то было все – и жилье, и деньги, и семья. Но бомж лишился всего и «забил» на это: на нет и суда нет. Отсек прошлое и живет дальше, как умеет, не «парится». У меня так не получалось.

Зачем мне вести Романа к себе? В моем убогом жилище было сыро, холодно, в холодильнике с прошлого выходного болтались несколько сосисок, кусочек сыра и неведомыми тропами забредшая баночка красной икры: удружил кто-то из моих сынов во время визита к своей блудной матери.

Не волнуйся, у меня кое-что есть с собой, – Роман вынул из глубокого кармана кожаного пальто бутылку мартини и шоколад «Вдохновение».

Да уж. В самый раз.

– Пойдем-пойдем! Нам надо поговорить и кое-что обсудить.

Конечно, я бы предпочла обсуждать свою победу и это «кое-что» в более комфортной обстановке, нежели моя съемная квартира. И в другое время. Года два-три назад. Но тогда моя победа где-то шлялась в лабиринтах власти.

– Хорошо, Роман. Ко мне так ко мне. Только без эксцессов. Чай, не в рай попал!

Брезгливо озираясь в подъезде по сторонам, Роман молча поднялся на мой этаж, так же брезгливо и молча оглядел допотопное жилище. Я не собиралась оправдываться. Я даже не смущалась нищеты, в которой жила сегодня. Только увидела весь ее ужас, взглянув на примитивную обстановку глазами Романа. Увидела, констатировала: да, это – жуть. И – все. Даже в сердце ничто не дрогнуло. Да и чему там уже дрожать? Заледенело все. Или вымерзло.

Или вымерло.

– Так вот, почему я даже порадоваться не могу по-человечески! – скорее самой себе, нежели Роману, сказала я и пошла к холодильнику.

Я соорудила из сосисок и обнаруженного яйца омлет, сделала сэндвичи из поджаренного хлеба с сыром, малюсенькие бутербродики с красной икрой и веером разложила на столе «Вдохновение».

Все это время Роман сидел за столом и заполнял пробелы в моем знании его жизни. Это дало мне возможность уйти в себя. Голос Романа стал фоном, на котором отчетливо проступили кадры киноленты моей собственной жизни в последние годы. Причем, не этой, будничной, земной жизни. А той, другой, запредельной, которая шла параллельно и чуть впереди происходящим реальным событиям.

... Я стояла на узенькой 10-сантиметровой тропинке, прижимаясь спиной к черной горе. Подо мной была пропасть, дна которой углядеть было невозможно. Ноги были в пятой балетной позиции – пятка к пятке, руки раскинуты в стороны в попытке ухватить хоть какую-нибудь растительность, чтобы зацепиться и устоять. По всему склону горы, так же как и я стояли другие люди, но почему-то они могли перемещаться по этой узенькой тропинке над пропастью. И только мне нельзя было сделать ни шагу.

Вдруг я ощутила, что черная гора давит мне в спину. Плавно, без толчков, чтобы я тут же сорвалась в пропасть, но настойчиво, с укорачивающимися промежутками времени, с силой, незаметной и не ощутимой для остальных.

Я панически кручу головой и понимаю, что устоять невозможно. Справа от меня, так же распластавшись на горе, спокойно стоит подруга Ольга. Я кричу ей, что еще секунда, и я полечу вниз! Оля отрывается от горы, легко подходит по тропинке ко мне, берет меня за руку. У меня обрывается сердце от страха, что придется сделать шаг, который неминуемо приведет к гибели. Но Ольга выводит меня в туннель, вплотную примыкающий к черной горе и уходящий под землю. Это единственный выход, чтобы избежать падения и гибели.

Я иду по этому грязному, заполненному нечистотами туннелю одна. Впереди брезжит свет. Я устремляюсь к нему и вижу дверь. Радостно распахиваю ее и... замираю. На выходе меня встречают трое:

– Ну, выходи, выходи, Леночка! Пришло время поговорить!

Крючковые руки силой выдергивают меня из туннеля. Три мужские черные сущности, оставив в сторону факелы, набрасываются на меня.

– Займись ее телом! – с комсомольским задором кричит самый злобный самому жирному.

– А ты рви ее душу! – командует жирный с отвислым носом задорному злобному.

– Дух, самое главное сломать ее дух! – вопит третий в милых очочках мэрским голосом Шакала из «Маугли».

Я понимаю, что здесь, под землей, мои ангелы не смогут прийти мне на помощь. Я слышу их голоса, воинственные крики где-то высоко надо мной, над туннелем. Я пытаюсь сопротивляться насилию, но расчлененной натрое делать это невероятно сложно. Моя душа видит, как тело безжизненно падает на землю, и омерзительный жирный нависает над ним. Мой дух сталкивается с духом Шакала и, получив неожиданный удар сзади, разламывается надвое. Моя душа бьется смертным боем с душой злобного. Им троим на помощь из всех щелей выполняют какие-то преотвратные сущности, змеи, крысы, каждый из которых торопится внести свой вклад, помочь то жирному, то злобному, то Шакалу. А над нами, над туннелем столь же отчаянно сражаются ангелы, защищая каждый вверенную ему Богом людскую душу. И силы неравные. И еще миг, и я перестану существовать во веки вечные...

Вдруг я ощущаю прилив нечеловеческой силы, мое больное тело, сломленный дух и разтерзанная душа как магнитом соединяются друг с другом и меня выносит из-под земли.

Теперь я ползу между двумя высокими горными вершинами по веревочному мостику. Навстречу мне ползет мужик с лоснящейся, как блин на масленицу, физиономией. Под нами все та же пропасть без конца и без края. Поравнявшись со мной, Блин делает усилие и сталкивает меня в пропасть. Но я почему-то туда не падаю. Я обнаруживаю себя висящей на толстом канате, спущенном откуда-то сверху. Блин прыгает на этот же канат, но ему удается повиснуть не на нем, а на моих ногах. Держа на весу сразу два тела – свое и мужика, я чувствую, как сла-

беют руки. Мне и так трудно держаться за канат, потому что он слишком толстый в диаметре, необхватный, а тут еще Блин вот-вот вырвет с корнем ноги.

Я жду, что канат поднимет меня вверх, что хотя бы начнет раскачиваться, чтобы я могла дотянуться до веревочного мостика и снова залезть на него. Но канат просто висит. И тогда я делаю невероятные усилия, начав всем своим измученным телом раскачивать канат. И в какой-то миг с моих ног в пропасть падает Блин, и я могу перебраться на веревочный мостик. И я ползу по нему, и не вижу ему конца...

Наконец я оказываюсь на земле и понимаю, что это – все тот же отвесный склон горы. Напротив меня... распятый на кресте Иисус, истекающий кровью. Рядом – глумящиеся мужчины, которые бросают его в воду и тут же достают обратно с криками: «Радуйся!» Они требуют, злорадствуют, хохочут. Я смотрю на него и думаю, как же Он может радоваться? Но Иисус через муки великие улыбается. О, лучше бы Он не улыбался! У меня зашлось сердце! И в этот момент я понимаю, что и сама пребываю в той же позе, что и меня швыряют в воду и так же достают оттуда, и кричат глумливо: «Радуйся!» И льют мне на голову ведро ледяной воды... И я в ужасе открываю глаза, и пытаюсь усмирить агонизирующее сердце, и не могу, и понимаю, что, да, распята, но на небо меня не взяли, и мне надо жить, жить здесь, среди черноты и надругательства...

– Прости меня. Я не думал, что все так серьезно! – донесся до меня голос Романа.

Оказывается, этот свой сон я проговорила сейчас вслух. Я видела его за пару недель до того, как со мной в Ставроградской области начали происходить черные чудеса. Сегодня мне кажется невероятной та точность демонстрации моего будущего, та предопределенность, тот откровенный показ виновников моего бедственного положения.... А тогда я могла понять лишь то, что меня предупреждают о черной полосе в моей жизни, которую по непонятной мне причине я должна пройти буквально над пропастью, собравшись с духом и ни на кого не рассчитывая. Кроме ангелов своих и Бога.

Я тоже не думала, что все будет именно так серьезно. Но спасибо тебе за то хотя бы, что спустил канат. Хоть было, за что ухватиться...

Я отвернулась к окну. Мне больно было смотреть в глаза Роману. Я не хотела этого разговора. Я старательно пыталась все забыть. Именно поэтому я приехала в Москву, оставив в прошлом руины своей прежней жизни. Успешной и относительно счастливой.

Роману стало неловко. Все-таки он совестливый человек. И понимает, что бросил меня на произвол судьбы, на съедение шакалам. Но, конечно, у него на то есть смягчающие обстоятельства. Ему самому доставалось, что называется, и в хвост, и в гриву.

Но упрекать Романа сейчас, когда он и сам едва оклемался после политических боев, было бы жестоко. Да и, в конце концов, кто я для него, чтобы ради меня не падать живота своего? Никто. Попутчица. На определенном отрезке пути встреченная, чтобы пройти, прожить определенный период времени.

– Какие необычные у тебя завитки, – задумчиво произнес Роман и начал разглядывать ту часть моей головы, где кончаются волосы, и начинается шея. – Особенно вот этот вихор... Что-то он мне напоминает...

– Этот вихор мешает всем парикмахерам делать мне стрижку, – скороговоркой сказала я.

– Да? – задумчиво протянул Роман. – Может быть, может быть... А может и не быть...

– Ты о чем?

– Да так, сам не знаю. Что-то нашло на меня. Мне на днях позвонили из Энска, – сменил тему Роман. – Там не смогли найти твоих московских телефонов, решили, что я наверняка тебя найду быстрее. Хорошо хоть ты мне оставляла свои координаты... Ты не хочешь раскрутить свою ситуацию и стать мэром?

Я усмехнулась.

– Понял. А губернатором?

Я подавилась сэндвичем и закашлялась.

– Ясно. Ну, тогда, может, депутатом?

Я расхохоталась. Я была благодарна Роману за то, что он увел меня от осмысления той, другой темы, переключил мысли.

Роман чуть обиделся. Он был уверен, что каждый нормальный человек мечтает о мандате:

– А что? Очень непыльно. После твоих-то мытарств. И бытовые условия не мешает улучшить.

– Знаешь, Роман, когда у человека ничего нет, то ему и нечего терять, не за что цепляться. Тогда он свободен в мыслях и действиях и никто не может его «наклонить».

Роман сидел молча и с нескрываемым удивлением смотрел на меня. Он шел ко мне явно не на диспут.

– Тебе было тяжело, я знаю, – выдавил он. – Ты считаешь меня виновным в твоих бедах.

– А ты сам так не считаешь?

– Ну, отчасти, да. Но я, как мог, помогал.

– Знаю. Видела. «Как мог».

– Ты изменилась.

– Люди не меняются. Они проявляются. В кризисных ситуациях.

– Но без этих ситуаций не было бы и побед!

– Знаешь, Роман, что на сей счет говорили друиды? **«Какая разница, проиграешь ты то, что выиграл, или выиграешь то, что проиграл?»**

– Ты хочешь сказать...

– То, что мне нет дела до этой победы. Вот, если бы ты, лично ты был к ней причастен! Тогда имело бы смысл обсуждать ее. Но ты всего лишь передаточное звено. И скажи, что это не так!

– Знаешь, с первой нашей встречи меня всегда сильно тянуло к тебе, – проглотив сэндвич, сказал он. – Так сильно тянуло, что я вынужден был обратиться к астрологам. Даже в штат одного принял.

– Ты бы лучше пиарщиков себе нанял.

– А зачем? У меня своя голова на месте! Но я не об этом. Меня тянуло к тебе так, что я даже думал, что ты меня приворожила. Спать не мог, во сне тебя видел, в толпе, на митингах твое лицо мерещилось. И вот однажды после твоего приезда в Москву я среди ночи позвонил своему астрологу и попросил выяснить, под чьим влиянием я в данный момент нахожусь. И знаешь, что он мне сказал?

– Знаю.

Роман с удивлением посмотрел на меня.

– Я, милый, хорошо помню тот день. Накануне я приходила к тебе в Думу, мы полчаса поговорили, ты произнес судьбоносную фразу: «Твою девическую честь мы защитим!». Кудато звонил, показывал подаренный спецслужбой пистолет и пророчил мне победу. И я ушла. А под утро проснулась с сильным сердцебиением от твоего голоса: «Меня тянет к этой женщине! Почему меня тянет к этой женщине?». Мое ватное тело лежало с закрытыми глазами, я видела, как какой-то незнакомый мужик держит в руках телетайпную ленту и читает по ней мою судьбу. Потом поднимает мне волосы на затылке, видит вот этот самый вихор и говорит: «Я тебя всегда предупреждал: женщина с вихром на шее – важный этап в твоей жизни. Ты перед ней в долгу. Ты причастен к ее бедам, но именно этим ты и откроешь ей путь к счастью! И связь ваша непростая. А на тебе, Роман, приворота нет. Больше не могу ничего сказать. Мне не дают».

Роман был в шоке:

– Я чувствовал, что ты странная женщина, но чтобы так.... Такой разговор действительно был. Я ничего не понял про важный этап и непростую связь. Мне всегда казалось, что между

нами есть что-то очень важное, невысказанное, недоговоренное.... Когда я впервые увидел тебя, у меня сердце остановилось: «Она!». И потом все эти 11 лет я часто хотел бросить к чертям всю эту политику, купить где-нибудь домик за границей и увезти тебя с собой. Астролог говорил, что наши судьбы неразрывны. Знать бы, почему? Как думаешь?

Я уклончиво пожала плечами. Я не хотела говорить ни на эту, ни на какую другую тему. Рассказывать Роману, как я жила два года в Москве, уехав с родины, значило бы упрекать его, косвенно обвинять. А делать вид, что все хорошо, и я дико счастлива, было бы глупо. Потому что это ложь. Но Роман был важным звеном в цепи моих горестных событий. Я любила его, знала, что рано или поздно он придет, но оказалась не готова к звенящей пустоте внутри себя.

Роман – хороший психолог. Мое состояние оценил правильно. И ведь понимал, когда ко мне шел, с каким настроением столкнется. Да и мужество надо иметь, чтобы предстать перед женщиной, которую не без твоей помощи распяли. Но, Господи, почему же так поздно понимается самое главное, почему так поздно приходит самое важное? Зачем оно, это «самое важное», если уже нет сил ни радоваться, ни любить?...

– Да, Леночка, твои враги тебя порядком потрепали... Ты должна отдохнуть.

– Оставим это. Лучше расскажи, как жил ты?!

– О!... – начал Роман. И я поняла, что его рассказ будет обстоятельным, детальным. А я за это время сумею собрать свои мысли и чувства, разложить их по полочкам и решить, как быть дальше.

Я умею абстрагироваться, находиться и здесь, и в себе. В единицу времени проживать две. Тогда мозг начинает работать в режиме диктофона. А «запись» я могу прослушать позже, если захочу. Сейчас я точно знала, что не захочу. И настроила приемник внутри себя: выключила звук – голос Романа, включила «кнопку» «воспроизведение». Перед глазами замелькала кинолента событий последних моих черных лет. Именно там я должна отыскать нужную эмоцию, точные слова, чтобы раз и навсегда подвести черту нашим роковым отношениям...

Глава вторая

Бог дарит людям самое дорогое, что у него есть – жизнь а они так бездарно ее проживают...

После той астральной битвы в черном туннеле с распятием и последовавших за этим наяву событий, я была обескровлена. И уехала в Москву, ведомая желанием увидеть Романа и все рассказать ему. У меня еще теплилась надежда, что только он, именно он поможет – должен помочь! – начать жизнь сначала. Но Роман был занят и никак не мог найти для меня времени. Но я продолжала надеяться. На него. И смиряла себя мыслью, что уж, коль однажды в церкви попросила Бога быть с ним и тут же получила ответ «Твой зов услышан!», то должна терпеть все лишения.

Вот с такими мыслями я бодренько и приступила к поиску работы. Набрала первый номер. Трубку взяла милейшая женщина, назвавшаяся Анной.

– Вы журналист? Из Ставроградской области? Как же, знаю, знаю. Но нам пока никто не требуется. И вообще, Лена, в Москве журналисту очень трудно найти работу. Конкуренция огромная. Но сегодня у нас в газете побывал коллега из издательского дома «Анкара», нет-нет, к Турции это не имеет никакого отношения, просто такое вот название любопытное. Так вот, им нужны пишущие люди. Запишите телефон.

Ночью я увидела сон: какая-то молодящаяся пожилая дама в переднике, как у официантки, крутится перед зеркалом. И передник на ней вроде как мой. И она у меня его покупает. А спина у этой дамочки голая, с мерзкими жировыми складками. Покружившись перед зеркалом, она, задорно смеясь, насыпала мне в ладонь горсть монет. А я подумала: «Что же, это тоже деньги. Хоть и звонкая монетка-то...»

Утром я уже была в «Анкаре». Ее руководителем оказалась моя ночная визитерша, дама с лихой фамилией Лохудрова. Она живо поняла, что в ее стойло забрела рабочая лошадь. И некуда той кляче податься, и на ней можно не только воду возить, но и не кормить, не поить и доить, как вздумается.

За неделю нашей с ней совместной работы она настолько прониклась ко мне своеобразной симпатией, что разогнала весь имевшийся коллектив из шести человек, решив, что я одна потяну журналистско-редакторско-корректорскую работу в трех журналах и газете.

Да я бы потянула. Не вопрос! Если бы она платила зарплату. Когда же эта тривиальная проблемка через полтора месяца была мной озвучена, Лохудрова произнесла историческую фразу: **«Как только человек спрашивает про зарплату, он уже не работник!»**

И – разложила передо мной кучу бухгалтерских ведомостей с прелюбопытными цифрами. В одном документе фигурировали 3 333 рубля, в другом – 1 111 рублей 11 копеек. И так далее. Эти цифры она гордо именовала «белой зарплатой».

Увидев мои округлившиеся глаза с немым возмущенным вопросом, Лохудрова, выходец из Самарской губернии, произнесла вторую историческую фразу:

– Не нравится? Езжайте в свой Мухосранск!

Ох уж этот Мухосранск! Где, в каком атласе мира искать город со столь обворожительным названием?! И с каким сердцем в хвост и в гриву шпыняют его вчерашние приезжие, непонятно каким путем ставшие обладателями квартир и прописок в столице нашей необъятной Родины!

Получив вместо двух с хвостиком тысяч у. е. согласно трем договорам втрое меньшую сумму, я написала заявление об увольнении. Поиски работы пришлось продолжить. Вот-вот надо было платить за квартиру. Полученной зарплатой хватало только на месяц.

– Радуйся еще, что она на тебя каких-нибудь своих долгов не навесила или не обвинила в краже. Ты же видела, что вчера в твоём кабинете было два компьютера, а сегодня – один. Она

легко могла сказать, что это ты унесла комп домой в счет зарплаты, и вообще бы ничего тебе не заплатила. Уж поверь мне, я все-таки 15 лет как москвичка, – успокаивала меня верстальщица-дальневосточница Галина, до смерти довольная, что сбежала от Лохудровой, не успев даже вступить с ней ни в какие договорные отношения.

Для меня начались унылые будни. Поиски вакансий в Интернете, который почему-то в тот период был пуст, как барабан... Звонки друзьям-приятелям, которые шарахались от меня, как от чумы, узнав, что я после боев со ставгородской властью еще на что-то рассчитываю... Звонки Роману, у которого опять не было для меня времени, о чем меня вежливо уведомляли его секретари и помощники. Но, в конце концов, не умирать же мне ложиться?

Хотя хотелось. Ну, не видела я выхода! Ни наяву, ни во сне. Пыталась медитировать, но почему-то увидела двух мужиков, которые признавались мне в любви, а мне при этом было нестерпимо больно.

– Ты для чего психотренингом занималась? – ругала меня подруга Ольга по телефону. – Придурков на свете много, и если из-за каждого житейского инцидента в депрессию впадать, то лучше было и не рождаться. Где твоя ВЕРА? Тебе такие сны показывают! Одно это говорит, что у тебя мощная поддержка!

– Ты имеешь в виду распятие? Хорошенькая поддержка...

– Да не распятие! А отождествление ситуаций! А раз тебя распяли, значит, Бог тебя защитит! Ищи Его!

После одной из таких грозных Ольгиных отповедей я без сил упала на диван. Мне казалось, что я сама ничего уже не решаю в этой жизни, что случилась некая страшная предопределенность, и меня выбросило на безлюдный берег, откуда никогда и никуда не будет выхода. И душа моя отзывалась тягучей тоской, подтверждая это убеждение сознания.

Ольга была права. С верой у меня дела обстояли неважно. Я постоянно балансировала где-то на грани: верила, но всегда желала иметь подтверждение. Хотела верить и знать. Мне казалось, что так вера будет крепче. Поэтому раскладывала карточные пасьянсы, пыталась разглядеть судьбу в кофейной гуще, тербила Ольгу с ее третьим глазом, медитировала, пытаясь самостоятельно открыть его и себе. Я хотела, чтобы каждое сбывшееся событие было сначала предсказано. Я считала необходимым убедиться в предопределенности судьбы, в изначально прописанном Им для меня плане. Тогда, я была уверена, и моя вера в Него будет настоящей. Не бездумной. Ведь **зная наверняка, что выпавшие на мою долю беды на самом деле не беды, а всего лишь испытания, мне будет легче их преодолевать.** Я смогу найти внутренние резервы и открыть второе дыхание.

Именно с поиском веры было связано то, о чем мне напомнила Ольга – курсы психотренинга. Они помогли мне увидеть многое из того, что лежит за гранью сознания. Но стало ли мне легче от этого? Увы, нет. Наоборот, мне даже казалось, что, чем больше неведомого мне открывается, тем более ужесточается мир вокруг меня и тем выше планка требований Бога ко мне лично...

* * *

Мои родители бредили детьми. Отец хотел сына, мама – девочку. Но как-то вот не получалось. Однажды мама разглядывала ночное небо, и ей показалось, что одна звезда устремилась прямо к их домику на окраине Караганды. Вдруг звезда разъединилась надвое. Мать протерла глаза и снова посмотрела в небо. Теперь звезд было три. Одна сделала крутой вираж и скрылась за крышами многоэтажек. Вторая зависла в небе, словно ожидая чего-то и тревожно пульсируя. Третья облетела вокруг второй и устремилась куда-то на запад.

Какое-то странное оцепенение нашло на маму, когда она следила взглядом за танцем звезд. Но она была материалисткой и подумала вполне в духе советского времени:

«Не иначе наши военные летчики новую технику опробуют?».

Мысль была не лишена оснований: в Джезказганской области уже построили космодром Байконур, и, хоть и неудачно, была запущена первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета.

Мама подумала, что утром наверняка по радио объявят об очередном запуске, подивилась прогрессу, порадовалась за СССР и пошла спать. Зависшая звезда медленно двинулась вниз...

В постели на маму навалилась сладкая истома.

– Готовься к встрече с дочерью! – мелькнула в голове мысль.

Мама сама себе ответила: «Да я всегда к этому готова!». Тогда в ушах отчетливо прозвучал чей-то голос: «Твоя дочь уже в пути! Прими ее сегодня!».

– Какая же ты у меня красивая! – сказал папа, обняв жену и почувствовав небывалое волнение...

* * *

– Все на месте? – Ангел оглядел шеренгу посланцев. Отсюда, с Небес готовились к старту души, которым предстояло воплотиться на Земле. Кому-то – в последний раз, чтобы по окончании серии воплощений навсегда остаться в галактике и, если повезет, верно служить Хозяину Вселенной. Кому-то предстояло воплощаться неоднократно, снова и снова проходя земные испытания, наработывая опыт, исправляя ошибки или «накручивая» новые.

Среди армии посланцев была я, душа с небесным именем Ангелина. И мой любимый с небесным именем Ален, с которым по земной глупости мы ни разу не соединились и не родили детей. Встретившись на Земле, мы никогда не узнавали друг друга и становились или врагами, или просто проходили мимо.

Позже, просматривая киноленту своих жизней на Небе, мы с Аленом приходили в отчаяние от совершенных ошибок и придумывали всевозможные способы узнавания в земной жизни, разные ситуации, которые непременно должны были свести нас вместе и при которых не вспомнить о нашей клятве вечно любить друг друга, было невозможно.

Однако воплощения шли за воплощениями, но мы, едва родившись, забывали обо всем. Мы просто становились людьми, которые для достижения целей и выполнения назначенной Владыкой миссии должны были, как все нормальные души узнать свою Любовь сердцем.

У нас с Аленом это воплощение было седьмым. Мы рассчитывали на имеющийся опыт. Мы многое знали из того, что с нами должно произойти: накануне воплощения Владыка Вселенной показывал каждой душе ее земной путь. Некоторым помогал, еще до рождения отпечатывая в душе фрагменты будущих судьбоносных событий – на Земле это называется дежавю – или обещая в нужный момент, уже на Земле, открыть человеку способность видеть и слышать. На это мы и рассчитывали.

– Прощайтесь, – раздался голос Ангела, от чего на Землю понеслись виброволны. Ангелина с Аленом увидели, как где-то на планете заштормил океан, заволновались горные хребты, и сошли снежные лавины. Все пришло в движение.

Ален обхватил Ангелину:

– Мы непременно будем вместе! Но ты должна меня узнать на Земле! Понимаешь?

– Я узнаю тебя, клянусь! Сердце мне обязательно подскажет. К тому же Сэм не летит с нами, он останется до отправки следующего каравана душ. Даст Бог, наши земные пути никогда с ним не пересекутся!

При упоминании имени Сэма Ален помрачнел: если земные пути сведут с ним Ангелину и на этот раз, то многое может измениться в реальной жизни. Сэм был силен духом, был на особом счету у Него, выполнял важные поручения на Земле. А по итогам прошлых жизней заслужил множество даров от Него, выгодно отличавших Сэма от обычных людей. Но самым

скверным было то, что он азартно оспаривал с Аленом право быть рядом с Ангелиной и третье воплощение подряд оттеснял в земной жизни Алена.

У Сэма была своя вторая половина, только ему предназначенная, но он взялся доказать и Ему, что он, Сэм, вправе сам выбирать свою Любовь и бороться за нее, и никто, даже Бог не может лишить его этого права. На сей счет они вели долгие дискуссии, Сэм бывал убедителен, а Он только улыбался, восхищаясь умом и пылкостью души своего любимого ученика.

Однако Ангелина в прошлых жизнях была с Сэмом несчастна, тоскуя по Алену. Все трое были настолько измучены этим кармическим треугольником, что однажды втроем пришли к Нему с просьбой рассудить их и развести дороги, не посылать всех троих на Землю одновременно.

Владыка Вселенной сказал так: «В каждом из вас имеется определенное количество энергии Любви. Перераспределить ее вольны только вы сами. Хорош был бы Я, если бы отнял у кого-нибудь часть Божественной энергии, которую вы получили от Меня в дар! А вот поставить перед вами земную задачу, испытать ваши чувства, могу. Готовьтесь! Это воплощение не будет легким. Вы встретитесь в самом сердце Моей любимой планеты – в России. Главное, что вам надлежит помнить: все происходящее с вами – Моя воля!».

Тогда же Он показал каждому некоторые фрагменты жизни, которые и должны стать земными испытаниями. У Ангелины аж дух захватило:

– Да выдержи ли я это?

Должна! Он для этого сделал все. Былые ее раны Им были залечены, груз прошлого снят, душа очищена, негативный опыт трансформирован в просто опыт. Остались, конечно, памятные горькие отметины, но они лишь свидетельствовали о том, что душа жила полнокровной и активной жизнью. В глубине же своей, перед очередной отправкой на Землю, душа Ангелины являла собой чистейший сосуд, наполнить который хотелось исключительно светом, теплом и добром.

– Как я не хочу расставаться с тобой, Ален! Но и будущих родителей жалко, они уже меня заждались. Их ангелы сегодня готовят встречу со мной.

– И мои... Ангелина, я обещаю тебе, что в трудные моменты я буду рядом! Как бы я хотел родиться с тобой в одном городе, ходить по одним улицам! Я просил Его об этом, но Он сказал лишь, что усложнит нам земную миссию, раз мы со своим треугольником разбраться не можем. Я и с Сэмом разговаривал, убеждал его жить своей жизнью. Но он упрямец редкий.

– Ален, если мы с тобой до 36 лет не встретимся, не узнаем друг друга, то следующий шанс будет уже только через 12 лет, через полный зодиакальный круг...

Ален обхватил Ангелину:

– Годы, годы... Если бы мы были вправе отказаться от воплощения! Остались бы вдвоем здесь...

– Разве ты не хочешь любить меня не только душою своею, но и сердцем, умом, узнать, как умеет любить твое тело? Обидно. Уже столько шансов было, а мы все никак. Земную любовь знаем понаслышке. Воплощаемся, влюбляемся не в тех, создаем семьи с нелюбимыми...

Ангелина грустно смотрела на Землю. Она не призналась Алену, что на «киноленте» жизни, которую Владыка показал ей во время напутственной вчерашней встречи, она видела себя на нескольких «кадрах» в отчаянии, измученной, одинокой. Было ясно, что это следствие Его испытания. Попросить отменить или хотя бы облегчить его, она не имела права: Его воля – закон и тайна. Он много говорил с Ангелиной перед отправкой на Землю, тот разговор следовало хорошенько запомнить, обсудить с ангелами, попытаться подстелить «соломку» и позаботиться о воплощении дружеских душ. Пусть они родятся позже, но пусть в нужные периоды оказываются рядом. Так поступали многие души. Ангелина знала, что Он не любит такой суеты. Подчас даже ломает планы, если они идут вразрез Его собственными. И Он прав. Какой

смысл от Его испытаний, если хитрая душа заранее все предусмотрела, не боясь даже того, что на Небе ей придется отвечать за свои проделки?! Впрочем, все души хорошо знали, что это Он простит. Потому иногда и допускали вольности, выгадывая для себя льготные условия жизни на Земле. Ангелина так не поступала. Она любила, чтобы все было честно. И Ален – тоже. А вот что придумает Сэм?

Ангелина обвела взглядом прощающиеся души. Многие были слиты воедино и оплакивали свое воплощение. Эти заранее знали, что им не суждено встретиться на Земле – слишком много каждой из них предстоит испытаний и на поиски Любви не останется ни сил, ни времени. Этим предстоит грустная одинокая жизнь. Или жизнь-привычка, жизнь-долг. Другие разлучались иначе: половинка шла на Землю, а вторая, если не подошел ее срок, оставалась на Небе. Эти были чернее тучи.

Ангелина знала случаи, когда любящие души, созданные друг для друга, совершив на Земле тяжкий грех, навечно разлучались в земной жизни и не могли любить друг друга даже здесь, под Его всевидящим оком.

Ангелине с Аленом было обещано: если они сумеют своевременно найти друг друга, родятся у них дети-индиго.

Это новое поколение чистых и светлых людей. Их души после серии испытаний призываются с Земли, отбираются единицами из разных поколений – караванов независимо от количества воплощений и наработанного опыта. Ибо одна единственная земная ситуация порой проявляет в человеке такие благородные качества, такую мудрость и великодушие, что душа его мгновенно взлетает на самый высокий этаж небесной духовной иерархии. Таким ОН готовит совершенно новую земную жизнь, возлагая на них особые надежды и задачи. Именно им Он с радостью великой отдаст Землю во владение.

Люди-индиго будут обладать Божественными способностями – перемещаться в пространстве и времени, совершать межпланетные перелеты, управлять миром силой мысли. Некоторым из них Он уже сейчас позволяет помогать своим будущим земным родителям. Например, ускорять их встречу, соединяя их энергетические поля, чтобы родители во сне увидели друг друга и наяву не прошли мимо. Эти души подменяют ангелов в тот период, когда те заняты формированием событий более масштабных.

Родить таких детей – мечта каждой души. Но произойти это может только при соединении созданных Им друг для друга любящих душ.

Ангелине еще повезло: она знает, что таковая у нее – Ален. А ведь многие даже здесь, на Небе, ищут иголку в сене, пытаясь по цветовой гамме энергий души определить свою. Многие обжигаются, теряют надежду. Некоторые веками вглядываются в Землю в ожидании нужной вибрации в момент рождения человека. Отдельным везет, они угадывают свою половинку. И тогда ОН посылает их на Землю раньше означенного срока, ибо перед настоящей Любовью сам Бог склоняет голову.

– Мы еще счастливики с Аленом, – подумала Ангелина. – А испытания... Мало ли их уже было? Выдержим!

Ангелина обняла Алена.

– До встречи?!

– До встречи!

– Не опоздай!

– Дождись!

Блестящей огненной палочкой Ангел дал отмашку и громогласно возгласил:

– Пора! Летите! И помните все, что Отец Небесный заповедал вам!

Караван душ устремился вниз. Каждый на свою родину, к своим родителям.

Ангелина бросила прощальный взгляд вслед Алену, ее душа сжалась от тоски. Вдруг недалеко от себя она увидела летящего Сэма.

– Ты куда? Тебе же еще не подошло время?!

– Я знаю, что делаю! Он позволил мне воплотиться сейчас и мною испытать наш треугольник. Тебя в первую очередь! Так что, не обессудь!

Сэм развил огромную скорость и стрелой полетел вниз. Ангелина успела увидеть, как на подступах к Земле Сэм попал в черное энергетическое облако и застрял.

Это облако – первое испытание для всех душ, первая встреча с черным воинством, которое вербует людские души еще до их рождения. Это первый выбор, неосознанный. Он как лакмус показывает Ему, насколько чиста душа и устойчива, насколько она достойна предначертанных земных благ или требует корректировки плана судьбы. Именно в этот момент Он и решает окончательно, какие испытания положить душе в этом воплощении и что вообще с ней делать.

Ангелина промчалась черное облако пулей. Рядом с ней раздавались ласковые голоса:

– Добро пожаловать к нам!

– Одно только слово – и мы, а не Он будем тебе опорой!

– Земля – наша вотчина! Здесь мы хозяева!

– Мы уберем с твоего пути все Его испытания! Будь нашим воином!

– Черное – не значит плохое! Мы создадим тебе рай на Земле! Ты будешь счастлива по нашему плану!

Ангелины вместо ответа выбросила сгусток огненной энергии негодования и отбросила от себя обожженных черных сущностей. Это было опрометчиво. Умнее было не реагировать, побережь энергию для рождения, не давать никому повода в дальнейшем мстить и встревать в ее судьбу. Но Ангелине не терпелось проскочить черноту, чтобы увидеть, прошли ли это испытание Ален и Сэм. И если прошли, то как?

Черные сущности ответили ей жуткими гримасами, угрозами, обещаниями встретиться. На мгновение страх сковал Ангелину, она с усилием сконцентрировала свою энергию и увеличила скорость. До воплощения оставались считанные минуты. Она оглянулась. Ален успешно проскочил черное облако и теперь летел навстречу своей земной жизни, напоследок пропульсировав Ангелине «Люблю! Найду!». Но Сэм из облака пока не появлялся.

Ангелина кружила над домом своих будущих родителей, желая убедиться: окончательно ли застрял Сэм в объятиях черного воинства или сделал остановку и вступил в переговоры? Если окончательно, то его душа сгорит в огне сил тьмы, а дух останется среди черных сущностей навеки. И Он уже не придет на помощь, потому что Его посланник сделал свой главный выбор.

Если же Сэм вошел в сделку, купился на предлагаемые блага взамен Его испытаний, пусть даже частично, то его земной участи тоже не позавидуешь. Он в таких случаях ломает судьбоносные планы в тот момент, когда меньше всего этого ждешь, когда продажная душа уже празднует победу.

И вот тогда призывает к ответу. И спрос бывает жесткий.

Наконец, Сэм вынырнул из облака. Значит, все-таки сговор. Сэм развязно пульсировал Ангелине: «До встречи, детка! Ты – моя!» Его энергии изобразили в небе треугольник, пронзенный стрелой, один конец которой переходил в спираль из семи витков. Последний виток образовывал букву С, предыдущий закручивался буквой Э и перетекал в ломаную линию в виде буквы М. На острие стрелы красовалась буква Я. Что означало: «Сэм я». Или: Я – Сэм.

Теперь его ни с кем не спутаешь, – усмехнулась Ангелина.

Сэм, такой Божественно чистый совсем недавно, был серым и рыхлым. Он лениво покачался на облаке, затем как бы нехотя скользнул вниз и завис в небе над Москвой. Именно здесь должен был замкнуться кармический треугольник и сойтись пути Ангелины, Алена и Сэма.

– Что же теперь будет? – простонала Ангелина.

– Торопись! Он все видел. Выполняй свою задачу! Ты прошла первое испытание! С Сэмом – отдельный разговор! – раздался голос Ангела и тут же прогремел раскатистый гром, засверкали молнии, заискрились черные облака, откуда донеслись крики о пощаде. Так бывало всегда, когда Он гневался.

Душа Ангелины исполнилась ужаса от перспективы не исполнить Его предназначение и леденящей тоски оттого, что и в этом воплощении может не встретить Алена и не познать любви: Сэм вознамерился сломать их земные планы! Но выхода не было. Она влетела в дом матери и отца в нужный момент и...

Мамаинтуитивно поняла, что на этот раз забеременела.

... Из раннего детства я вынесла несколько ярких воспоминаний.

Первое относилось к жажде чуда. Малышкой я приносила домой поломанные веточки деревьев, чистила их от кожицы, покрывала маминым лаком для ногтей, за что нередко была награждена подзатыльниками. Лакированные палочки я обмазывала вареньем и прятала в морозилку, пачкая налепленные матерью пельмени. Я часами в нетерпении крутилась возле холодильника, ожидая, когда палочка станет волшебной. И тогда... Тогда я взмахну ею и сбудется все-все!

Когда я, наконец, вынимала ветку из морозилки и под снисходительным взглядом матери взмахивала «волшебной палочкой», в мире ничего не менялось. Не появлялось ни нового платья, ни горы конфет, ни новой куклы как у подружек во дворе. Даже резиновая скакалка, без которой нормальная девочка не мыслила своей жизни, и та отказывалась появляться. Впрочем, иногда мама, считавшая изготовление «волшебной палочки» игрой по выбиванию подарков, расщедривалась и покупала мне то, что я загадывала. Но меня это не устраивало. Мне нужны были не земные подарки, а чудо.

И уже став взрослым человеком, я не могла объяснить, откуда у меня всегда была прямо таки генетическая вера в волшебство? А близкие не понимали, откуда у меня этот отчаянно-гордый взгляд, несвойственная детям взрослость, властный голос, от которого у отца с матерью перехватывало дух, и порой страшно было отказать мне даже в самой малости.

Я любила родных, ощущала степень своего воздействия на них и старалась особо не давить. Я отстранялась, начинала жить как бы своей жизнью, разговаривая сама с собой, играя в свои игры и никогда не сливаясь с детским коллективом.

– ЧуднАя ты, – говорила мать, чувствуя сердцем, что дочь, зачатая при несколько странных обстоятельствах, и сама странная, не такая как все.

Второе воспоминание касалось моего отношения к мужчинам. Мне было годика четыре. Мы бежали с мамой по Караганде. Точнее, бежала она, а меня она просто волокла волоком вслед за папой, который от нас убежал. Они с мамой поссорились, и папа со злости рванул, куда глаза глядят. Мама бежала следом и кричала: «Гена, вернись!». Я отчетливо помню свою мысль в этот момент: «Чтобы я вот так за мужиками бегала?! Да ни за что!» Немыслимая для ребенка взрослость восприятия. Но главное – мысль! За ней явно угадывался опыт. Мой, личный опыт, коего у малышки четырех лет от роду по земной логике быть просто не могло!

Третье воспоминание связано с уроком. Не школьным. Я бы сказала, кармическим. Мне было 5 лет, я ходила в садик. Дело было зимой. Морозы у нас в Казахстане были неслабые, 35 – 40 градусов – норма. И вот я, маленькая девочка, подхожу к дверям детского сада. На двери – ручка металлическая, заиндевевшая. И я очень сильно хочу ее облизать. Хочу до страсти! Я прикасаюсь к ручке языком и, естественно, прилипаю. И стою, боясь пошевелиться. Понимаю, что в этом случае у меня или язык останется навеки вечные прилепленным к этой ручке, или язык все же уцелеет, но будет изодран в клочья. Если бы, не дай Бог, в тот момент дверь изнутри кто-нибудь открыл, он бы открыл ее вместе со мной и моим языком. По счастью мимо садика проходила какая-то женщина и увидела, что малышка прилепилась к двери. Женщина подбежала ко мне с криком: «Стоять смирно!» и упростила потерпеть и не шевелиться. Мороз

крепчал, женщина убежала. Прибежала она с медсестрой и чайником с теплой водой. Мой язык отливали несколько минут, после чего долго разглядывали и удивлялись: он был весь потресканный, с глубокими рывтинами и разветвлениями. Взрослые не поняли: он у меня такой от рождения или оттого, что я прилепилась? Решили, что от рождения, потому что язык не кровоточил. Но врача вызвали. Врач изумился, сказав, что такие языки встречаются очень редко и называются по-медицински географическими. Я поняла, что по моему языку можно прочесть атлас мира. Или хотя бы СССР.

Я долго потом в зеркало разглядывала свой чудо-язык. И тщательно изучила атлас мира. На него мои иероглифы не походили. Наверно, если мой язык и атлас, то иного мира. Сама же я считаю, что мой язык-уникум напрямую связан с моим предназначением. Язык – это речь. Устная и письменная. Не случайно моим первым словом было слово «писать». Но, прилепляясь языком к замерзшей металлической дверной ручке, моя душа сигнализировала мне: не лепись ко всякой дряни! И уж коль суждено тебе пускать в ход свой нестандартный язык, то говори и пиши, как есть, никого и ничего не облизывая!

свой нестандартный язык, то говори и пиши, как есть, никого и ничего не облизывая!

Четвертое воспоминание связано с соперничеством с мужчинами. Мне уже было 7 лет. Мама уступила моим настойчивым просьбам и купила мне ярко-красное пальто и алые блестящие боты на огромной кнопке сбоку. Цвет одеяния был такой, что от него сводило скулы и сладко щемило в груди. Разодетая в эту красоту, с алым бантом в волосах я вместе с одноклассником пошла в магазин за хлебом. Был чудесный весенний день. Моя душа пела от восторга, от осознания себя самой красивой и счастливой! Ноги не могли идти спокойно.

– Побежали? – предложил мне одноклассник, гордый тем, что идет рядом с самой красивой девочкой нашего двора.

– Побежали! – гордо дернула я своим огромным бантом.

Мы рванули. По асфальту, по лужам. Бегала я хорошо, спортсменка была прирожденная. И обогнать одноклассника было для меня парой пустяков. И я обогнала. И в тот момент, когда это стало очевидно, одноклассник собрался с силами, сделал рывок и... толкнул меня в спину! Я перелетела несколько луж и, распластавшись, плюхнулась в самую большую из них всем своим огненно-красным новым пальто, зачерпнув всю наличествующую в луже угольную карагандинскую грязь.

Пальто было безнадежно испорчено, хоть мы с перепуганным мальчиком и пытались его спасти, замочив в ванне с водой у него дома.

Моя нежная душа пропечатала этот момент в своих тайниках: мужчины не терпят соперничества женщины! И в решающий момент, в момент, когда ты меньше всего этого ожидаешь, когда находишься на самом пике счастья, способны нанести удар в спину, смешав тебя с грязью...

Пятое воспоминание трагикомичное. Мне было уже 8. Врачи уложили меня в больницу, считая, что мне непременно следует лечить печень. Но почему-то вместо печени эскулапы вознамерились вырвать мои железы. Эту новость мне сообщила мама. Я в тот момент сидела на подоконнике больничной палаты и любопытствовала, когда родительница заберет меня отсюда. Но вместо радостного известия об освобождении от пут докторов я услышала, что завтра меня будут оперировать. Врачи посчитали, что мои железы угрожают моему сердцу, в котором им слышатся шумы.

Новость свалила меня с подоконника. В палату. Со мной началась истерика. Принять умом, что часть моего естества завтра будут вырывать, я не могла. Я швыряла по палате кровати – и откуда сила бралась? Я выворачивала в больнице все вверх дном, бунтуя против тайно замысленного в отношении меня насилия. Именно это больше всего меня и возмутило, именно нечестность взрослых дядь и тетей, а не страх лишиться несчастных желез, из-за которых я часто болела ангиной. Если бы со мной по-человечески, по-взрослому поговорили врачи, объяснили

бы, что после операции я смогу ведрами есть мороженое и сколько угодно сосать сосульки, я бы с радостью сама открыла им свой рот. Но у взрослых не хватило ни ума, ни уважения к личности ребенка. И поутру они разве что не взламывали мой рот, вставляя между челюстями толстую иглу-распорку, чтобы я не мешала им выдирать мою собственность.

Меня связали по рукам и ногам, две медсестры всем своим грузным телом лежали на моих тонких запястьях, потому что я умудрялась выворачивать кисти рук и щипать противных медсестриц. Одна из них стояла сзади и цепко держала мою голову, которую я норовила отвернуть в сторону. Еще одна, сидя на корточках, крепко держала меня за связанные ноги, которыми я норовила поддать под зад доктору. Все были при деле. И исполняли клятву Гипократа с энтузиазмом и удовольствием.

Рвали железы на живую. В войну в госпиталях раненым хотя бы наливали перед операцией стакан спирта, надо мной же издевались без какой бы то ни было анестезии.

После операции я лежала в кровати и тупо смотрела в потолок. Не было ни мыслей, ни чувств. Вместо меня был робот, автомат, который начал действовать сам по себе.

Вот он встал с постели, вышел в коридор, зашел в уборную, где на полу стоял добрый десяток детских горшков, которые нянечки не успели опорожнить и вымыть. Робот заглянул в несколько горшков, выбрал самый увесистый, подошел к окну, открыл его и... Да, именно так. Выбросил в окно. Вместе с содержимым. Потом также спокойно и невозмутимо вернулся в палату и лег на кровать. Закрыв глаза и перевел дух. Он отомстил. Как мог и как умел. Подручными средствами. За то, что его пытали. За то, что его личность, его сущность, его душу распяли в операционном кресле. Распяли, не посчитав нужным хотя бы поставить в известность об этом намерении.

Робот лежал в постели, а за окном больницы, в ее коридорах стоял нечеловеческий крик. Через несколько минут в палату ворвался главврач со свитой «пытальщиков». Выяснилось, что горшок с содержимым упал аккуратно на голову одной дамочки, которая в тот момент проходила под окнами больницы. И теперь дамочка грозит пересажать в тюрьму весь персонал больницы вместе с ее пациентами.

Главврач учинил в палате допрос. Больные, такие же по возрасту девчонки, что и робот, тряслись от испуга и никак не могли вспомнить, выходил кто-нибудь из палаты в последние 5 минут или не выходил. Потом вспомнили: никто не выходил. Робот между тем не подавал голоса. Ему нельзя было подавать его еще сутки после операции. Поэтому его никто не спрашивал, а наоборот все смотрели на него с сочувствием и даже принесли мороженое, чтобы горло быстрее зажило. Робот съел, не сказав спасибо. Робот не мог благодарить людей, которые причинили ему физическую боль, но главное – нравственную.

Никто так и не узнал, чьих рук было то дело. Мама моя сердцем чувствовала, что **так поступить могла только ее дочь. Которую нельзя, категорически нельзя подло загонять в угол.**

С высоты прожитых лет мне в этой ситуации более всего жалко ту дамочку. Но если привязать случившееся с ней к законам вселенной, то происшествие выглядит даже философским. Ибо, как известно, случайностей не бывает. И если именно эта женщина должна была получить по голове, то она и получила. Если бы ей не суждено было испытать такого рода шок, она прошла бы по другой стороне улицы или проскочила под окнами больницы с большей скоростью, чем с четвертого этажа летел горшок. Или, наоборот, тормознула бы на подступах к источнику опасности. Но произошло то, что произошло. И проделано было именно моими руками. Руками девочки, которую глубоко оскорбили. Причем, мой выход из палаты остался не замеченным никем. Ни больными, ни нянечками, которые постоянно шныряли по этажу, ни ребятами из других палат, которых вечно на горшках сидел косой десяток. Обстоятельства сложились так, чтобы очистить мне поле боевых действий и сокрыть от глаз саму меня, которой по неведомому мне высшему замыслу надлежало наказать дамочку, врачей, и самой полу-

чить урок. Выдрав вот так безапелляционно мои гланды, врачи словно говорили мне: смирись гордыню, учись терпеть, чем раньше познаешь боль, тем сильнее будешь...

Но главное воспоминание касалось наших душевных разговоров с мамой. Почему-то я, едва научившись говорить, настаивала, чтобы мать снова и снова рассказывала мне историю моего зачатия и рождения, при этом, повторяя поминутно, что я сама ничегошеньки не помню! – Да как же ты помнить-то можешь? – дивилась мать. – Когда это новорожденные память имели?

Я в ответ злилась и требовала от матери полного рассказа:

– И нечего меня сказками кормить про аиста и про капусту! Я знаю, откуда дети берутся!

Мама поначалу приходила в ужас, усматривая в словах дурехи-малышки пагубное влияние улицы. Но вскоре смирилась с мыслью, что со мной следует общаться как со взрослым человеком, который просто зрелый не по годам.

Втайне мать гордилась своим «произведением», считая, что ее чадо – награда за терпение и добродетельную жизнь. И, глубоко вздохнув, снова и снова вспоминая дела давно минувшие, не переставая удивляться, почему меня ТАК интересует эта тема и особенно мое имя.

– Папа так хотел. «Родится девочка, назовем ее Леной». И мы с ним всегда спорили на эту тему. А ты при этих спорах всегда замирала и куда-то пристально вглядывалась, словно что-то хотела рассмотреть вдали, – рассказывала взрослеющей мне мама и удивлялась. – Да что ты так волнуешься?

Я резко обрывала мать, требуя продолжения рассказа, который она снова и снова в деталях воспроизводила мне, заново проживая ту ситуацию, которую ей совсем не хотелось помнить.

– Мы посреди улицы стали с отцом спорить, выбирая тебе имя. Я предлагала модные тогда варианты – Таня, Наташа, Оля. Но папа твой стоял на своем: «Лена – и точка!». В этот момент ты как начала шевелиться в животе! Такой бунт подняла! Живот аж ходуном заходил. Думаю, все, умру вот здесь, и никто не поможет. Отец твой как рванул за «скорой»... Уж как я оказалась в роддоме, не помню даже. И рожала трудно. И за тебя боялась, недоношенной ты была, восьмимесячной. И родилась малюсенькая, 2 кг весом, синяя и не кричала. Врачи думали, что ты уже не жилец. И хотели отнести тебя втайне от меня в палату с новорожденными, которые доживали свои последние минуты. –

– А дальше?

– А дальше... ты вдруг закричала. Да так пронзительно, что и я испугалась.

Мама замолчала. А я, 6-летняя девочка, неожиданно взрослым голосом, таким, что мать вздрогнула, и на лбу у нее выступил холодный пот, произнесла:

– Я так закричала, потому что вы назвали меня неправильным именем! Поэтому твой живот и ходил ходуном, когда папа предложил назвать меня Леной. Это не мое имя! Чужое! И там, в твоём животе, я испугалась, и хотела вам сказать, что меня зовут не так, что мне очень важно, чтобы у меня было правильное имя! Я испугалась, что ничего не получится, и стала толкаться, чтобы выйти наружу. А когда вышла, то все, все забыла...

Я чеканила слова, а мать в шоке смотрела на меня:

– Что не получится? Что значит испугалась? Не может плод соображать! А для того, чтобы забыть, нужно сначала что-то помнить... И мозги иметь.

– Оставим это, мама. Лучше, расскажи, что было дальше. Я должна все знать, все вспомнить! И не говори мне, что первым моим словом было слово «писать», я это и сама хорошо помню.

– Ну, что за ребенок такой! Нечего мне больше вспоминать!

Я начинала нервничать. Я не понимала, что именно и зачем мне так нужно вспомнить из происшедшего в ту ночь, когда мне было позволено материализовать себя из человеческого зародыша. А матери и в голову не приходило рассказать про три падающие звезды и услышан-

ный голос. И только спустя 30 лет, когда и мой брат получил такой же сигнал о дне зачатия своего сына и его будущем имени, она вдруг вспомнила все. Господи, как поздно!..

Последнее яркое воспоминание детства относится к моменту, когда я тонула. Мне было 9 лет. У меня уже родился брат, вскоре погиб отец. Я сторонилась людей, лишь исподволь наблюдая за ними и вслушиваясь в голоса так, словно в отдельных случайных репликах надеялась уловить нечто важное для себя.

Однажды на улице я краем уха зацепила чей-то чужой разговор:

– А ты бы смогла начать свою жизнь сначала? Все – заново!

Фраза вызвала в груди сильную щемящую боль. В голове закрутились какие-то непонятные фрагменты событий то ли со мной, то ли с кем-то произошедших или грядущих. Во мне началась такая буря...! Я оглянулась, чтобы посмотреть, кто вызвал во мне столь сильные эмоции. Но ни за спиной, ни вообще в радиусе нескольких метров от меня не было ни души. Я одна стояла посреди улицы. И от этого стало еще тоскливее и страшнее. Были ли то люди, провалившиеся сквозь землю, или еще кто-то, я не знала. Но над смыслом фразы думала не раз. Как это: все сначала? С какого начала? И где оно? Но потом иные детские переживания заполнили мою жизнь, и тот вопрос был задвинут глубоко в тайники души.

Я легко отзывалась на имя Лена, но своим его не считала. Я не понимала, почему мне так важно, чтобы меня звали по-другому. Я пыталась определить свое имя, вслушиваясь в звучание других женских имен. Но не екало сердце, не замирало, не вибрировало в резонанс с популярными Олями, Светами, Танями, Наташами. И от этого было тоскливо.

В тот жаркий летний день мать с сослуживцами поехала купаться на озеро. Местечко называлось Спасск. А озерцо – Спасское. За несколько километров в диаметре была голая казахстанская степь.

Два подвыпивших маминых сослуживца решили поплавать на автомобильной камере. Подогнали ее к берегу озера, сели, позвали детей – меня и дочку одного из сидевших на камере весельчаков. Я с радостью взобралась на колесо, и мы отплыли на середину озера. Мужики между собой о чем-то заспорили, стали толкаться, и мы с девчонкой полетели в воду. Я строго горизонтально пошла на дно, от неожиданности даже не пытаюсь выплыть. Только глотала воду и опускалась вниз. Справа от меня колыхались камыши, слева плыли мелкие рыбки, вверху отчетливо виднелась кромка воды, а за ней – небо и яркое солнце.

– Господи, а ведь умирать совсем не больно! – это была последняя мысль, которая пронеслась в голове. И я спокойно закрыла глаза.

Моя душа взмыла вверх и обозревала происходящее на берегу. Мать бегала вокруг озера и кричала не своим голосом. Мужики выловили из воды девчонку, мою коллегу по несчастью. У той были косы, ухватить за них и вытащить тонущую оказалось несложно. Я носила стрижку. И утонула несколькими метрами дальше, чем меня искали. Внезапно я рядом услышала голос:

– Ангелина! Я здесь!

Моя плавающая в небе душа затрепетала. Ангел?! Ну, конечно, кто же еще? Я увидела, как словно из-под земли на трассе появилась «скорая» и устремилась к озеру. В этот момент моей души коснулось чье-то теплое дыхание:

– И я с тобой! Я тоже покинул тело.

– Ален? Но ты как тут оказался?

– Я сердцем почувствовал, что тебе плохо. Если ты сейчас решишь уйти с Земли, я уйду тоже! Если решишь остаться, запомни эту дату! Это поможет тебе узнать меня!

Однажды в разговоре я расскажу тебе, как в это же время вместе с тобой прощался с жизнью. Так мы остаемся здесь?

– Ален, я хочу быть с тобой! Но мой уход причинит столько горя матери, бабушке, брату! Я нужна им! И потом, у нас с тобой столько нерешенных задач! Надо вернуться. Тем более, Он послал Ангела мне на помощь. Смотри, мое тело уже вытащили из воды. Ален, я только

теперь все вспомнила! И боюсь возвращаться в тело, потому что могу опять все забыть! Где искать тебя? Ты знаешь, что Сэм летел вместе с нами и не прошел первого испытания?

– Знаю. Я сам найду тебя, меня родители из Москвы увозят в Ленинград. А Сэм должен быть в Москве.

– Все, Ален, смотри, мать моя совсем побелела от горя. Она решила, что я уже умерла! Я должна вернуться! Найди меня!

– До встречи, Ангелина!

Две души слились, растворились на миг, ангелы подхватили Алена, мгновенно скрылись за горизонтом и... Я глубоко вздохнула.

– Она ожила! – закричала мама. – Дочечка, счастье-то какое!

Я слегка приподнялась на локтях и огляделась. На берегу возле меня стояло ведро воды, которую выкачали из моего утонувшего тела. Вода была грязная и вонючая. Наглоталась я всякой дряни конкретно. Наверняка какая-то мстительная нечисть создала мне эту ситуацию, хотела отправить меня с Земли раньше срока.

– Мама, я поеду в Ленинград, – заявила я матери, едва придя в себя.

– Конечно, солнышко, хоть в Ленинград, хоть в Москву, хоть на край света! Ты понимаешь, что ты – жива?

– Или в Москву? – Я тупо смотрела на мать и морщилась от радостных криков по поводу моего возвращения к жизни. – Как он сказал? Он в Ленинграде, а тот в Москве?

– Кто – он? И кто – тот? Леночка, что с тобой? – Мать была в панике. Она схватила меня и стала неистово обнимать. Сослуживцы смущенно переминались с ноги на ногу.

– Мама! – закричала я. – Прекрати меня трясти! Я опять все забыла! Кто из них в Москве, а кто в Ленинграде? Как я теперь узнаю? Мне что, снова надо утонуть, чтобы вспомнить? И вообще, никакая я не Леночка!

– Как? А кто? – перепугалась мать.

Я тупо смотрела в небо. Я была в шоке. Я путалась в самом важном: где Ален? Я снова сильно испугала мать. Я опять вернула себе статус странного ребенка, которого невероятным образом спасли невесть откуда взявшиеся доктора внезапно появившейся в голой степи «скорой помощи», которую вызвать в эту глухомань по телефону было невозможно. Ибо в конце 60-х не только мобильных, но даже примитивной связи в этих местах не существовало! Но если бы и была, успеть вытащить меня из воды и профессионально откачать... Для этого слишком много обстоятельств должны были сойтись в одной точке. Достаточно врачам было сбросить скорость уазика, свернуть на одну из множества проселочных дорог, просто остановиться по нужде, и все... И я осталась бы с Аленом. Там. Теперь уже точно навеки вечные... Но разве это входило в Его сценарий? И не потому ли мы поехали купаться именно на Спасское озеро? Чтобы здесь я была СПАСена и вспомнила то, что должно...

– Кому суждено утонуть, тот не повесится, – пошутил один из виновников моего потопления и получил по шее от другого.

* * *

То была мощная и первая настоящая медитация в моей жизни. Сейчас, из Москвы, она виделась как знамение, как та самая предопределенность судьбы. А тогда...

Я открыла глаза. Негромко играла изумительная музыка. Я лежала на полу в спортивном зале. За окном виднелись снежные вершины Приэльбрусья. Рядом со мной на ковриках лежали парни, девушки, в том числе и моя подруга Ольга. Все приходили в себя после медитации.

– Ну, кто что видел сейчас? – раздался голос нашего руководителя Валентины.

Я нехотя возвращалась к действительности, пытаюсь осмыслить происходящее. Вот я, ставгородская журналистка, на собственной шкуре осваиваю эзотерические методики погружения в прошлое.

Биоэнерготерапевт, чудесная женщина Валентина вывезла группу жителей Энска числом 20 человек в горы, где очень мощная энергетика. Вывезла, чтобы мы медитативным образом вошли в тайники подсознания. Валентина убеждала нас, что именно там, в глубоком детстве, коренятся многие наши проблемы. И мы должны выявить их, пережить заново, определить обидчиков, если таковые были, простить их, или просто переиграть ситуацию, придав ей положительный аспект. Тогда наша душа освободится от пут, станет сильнее. И высветится цель, ради которой мы пришли на Землю. И сама жизнь заиграет яркими красками.

Вот тогда я и увидела все свои детские заморочки. Простила, наконец, одноклассника, толкнувшего меня в грязь. Наверно, ему самому тяжело было жить все эти годы с подсознательным чувством вины. Я вспомнила свое небесное имя – Ангелина. И небесное имя человека, которого мне необходимо найти, – Ален. Я поблагодарила Бога и Ангела за свое спасение со дна Спасского озера и мучителейэскулапов за урок с вырыванием гланд. Я порадовалась за свой необычный язык. И – за японцев, которые с раннего детства пристально наблюдают за детьми, позволяя проявлять им глубинные свои знания и навыки. Я нашла ответ на вопрос, почему у детей нередко встречаются глаза умудренных жизнью старичков, а многие малыши, едва взявшись за что-либо, показывают потрясающие умения. Причем, речь не о талантах, а о вещах весьма будничных – умении копать землю, например, готовить еду, шить или вот как я – писать. Не зная алфавита, будучи полутора лет от роду. Это лишь говорит о том, что у малышей сильна память прошлого, прошлых жизней, где и был приобретен этот самый опыт, и родителям важно эту ниточку зацепить и развивать ребенка дальше, помогая ему вспомнить вот это, главное – предназначение, с которым он пришел в мир, которое дано ему Богом. Вот причем тут умницы-японцы. И вообще, буддисты и ламаисты.

Я перевела взгляд на свою подругу Ольгу. Она сидела со странным выражением лица и терла лоб. Лицо у Ольги необычное. Какое-то инопланетное. Треугольной формы с высоким, крутым и вместе с тем круглым лбом, прическа каре и огромные голубые глаза. Сейчас эти глаза были блюдцами, полными изумления и страха.

Мне сейчас во время медитации словно буравчик в лобную кость кто-то ввинчивал, – сказала она. – Больно. И страшно было, не передать!

– Оль, так у тебя, поди, третий глаз открывался!

– Третий, четвертый, не знаю. Но я испугалась.

– А ты как хотела? На картах гадаешь, на кофе смотришь, энергии разные улавливаешь. Вечно у тебя то в голове, то в ушах что-то щелкает! – Мне не хотелось, чтобы Ольга боялась. **Страх расценивается ангелами как нежелание человека открывать сверхспособности.** Поэтому я придавала серьезной теме шуточный оттенок. Хотя сама страстно желала не только душой и сердцем, не только в снах и медитациях, но в повседневной жизни понимать и видеть запредельное. Так, я считала, окрепнет моя вера в Бога. И вера в себя саму, которая на тот момент была разбалансирована и лишена гармонии. Но пока мой уровень общения с Высшими силами ограничивался астральными контактами.

– Оль, так ведь тебе помогают третий глаз открыть, что же ты сопротивляешься?! Может, тебя в ясновидящие готовят, и это твое предназначение, и уже час пробил!

Ольга дернулась. Про одну ясновидящую она мне рассказывала.

Было это в Таджикистане. Оля тогда работала в прокуратуре. Окружали ее люди серьезные, в мистику не верящие. Им бы только факты. Среди них был один полковник уголовного розыска по имени Хадиль. И была у него жена Зарема, обычная таджикская женщина, мать троих детей, малограмотная, едва говорящая по-русски. Жили они дружно. Хадиль раскрывал преступления, ходил по лезвию бритвы, был честен. Но однажды в его семье начались чудеса.

Плохие. Черные. Так, по крайней мере, думал он. Впрочем, как можно было думать иначе, если жена с вечера засыпала рядом с ним живая и здоровая, а среди ночи просыпалась с криком, и на ее теле проступали кровавые полосы, будто кто-то ножом резал ее кожу. Хадиль вскакивал с кровати, зажигал свет, а Зарема с криком вертелась по постели, уворачиваясь от невидимых полосных ударов. Вся постель оказывалась в крови. Так продолжалось минут 20 и стихало внезапно. Следы на теле кровоточили сутки и исчезали. Кожа снова становилась нежной и чистой.

Поначалу Хадиль думал, что он «повернулся» головой и ему все происходящее мерещится. Зарема вообще пребывала в полной прострации и не могла ответить ни на один его вопрос.

Виртуальная экзекуция, однако, продолжалась, приходила с периодичностью два раза в месяц и становилась все более жестокой. Хадиль пробовал привязать жену к кровати, думая, что так она избежит ударов, но в определенный момент веревки с треском лопались, и жена с нечеловеческими воплями начинала кататься по постели, оставляя после себя кровавый след на простынях.

Однажды во время очередного ночного кошмара Зарема прокричала:

– Хорошо, хорошо, я согласна!

Мгновенно изуверство прекратилось, и жена, обессилев от боли и потери крови, затихла. Утром она рассказала:

– Я думала, что ты неверишь мне, потому и молчала. Больше не могу. Я согласилась. Меня уже полгода во сне призывали стать целителем, лечить людей, стать посредником между Небом и Землей. Сказали, что это мое предназначение.

Я отказалась. Кто я? Неграмотная женщина, как я могу брать на себя такую ответственность? Мне дали время. Прошло пять лет. Я думала, что больше меня не побеспокоят, что найдут более подходящих людей для этой цели. Но я ошиблась. Сначала ночью, потом среди бела дня я стала слышать голоса, напоминающие мне о моей задаче. Я послала их к черту. И тогда началось...

Хадиль в шоке пришел к Ольге. Он был дружен с ней и ее мужем Надиром.

– Понимаете, я не знаю, верить мне ей или нет! Может, она умом тронулась? Какое предназначение? О чем она? У нас дети, скоро внуки будут, у меня такая ответственная работа! Что люди скажут? Ведь по ночам она кричит так, что соседи могут подумать, что это я ее истязую! Да уже и думают наверно. Некоторые с подозрением на меня смотрят, не здороваются. Что делать?

Ольга с Надиром знали миролюбивый нрав Хадила. До них докатились слухи, что у него дома не все ладно и не могли поверить в изуверские наклонности полковника. Но они знали и другое: от судьбы не уйти, ее дары и удары надо уметь принимать достойно и не отступать от некой, только Богу известной миссии. И они не удивились, когда спустя неделю Хадиль пришел к ним с огромными от ужаса глазами и объявил:

– Жена сказала, что ее нужно запереть на 40 дней в темной кладовке. Еду и питье я должен подсовывать ей под дверь. Она говорит, что будет изучать иностранные языки! Я с ней с ума сойду! Какие языки? Она на своем родном писать толком не умеет! Но я уже боюсь перечесть. А вдруг она таким образом решила уйти из жизни? А для меня какой позор!

– Успокойся, – сказала Ольга. – Делай, как она говорит. С того момента, как Зарема дала согласие, ее перестали резать до крови?

– Перестали.

– Значит, и языкам научат.

– Да кто научит-то? Оля, мы же взрослые люди!

– Взрослые. Но должны быть и мудрыми. Доверься жене.

– Но 40 дней в темноте и в одиночестве! Ты это понимаешь? А дети? Кто ими будет заниматься, если мать запрется в чулане? Что они обо мне подумают? Что я изверг?

– Отвези детей в горы, к родителям. И никому не говори о том, что происходит.

Ровно через 40 дней Ольга с Надиром пришли к Хадилю домой. Ему предстояло открыть чулан и выпустить жену. Что они там увидят, никто из них троих не знал. Точнее, каждый полагал, что увидит живой скелет, сошедший с ума.

Хадиль дрожащими руками вставил ключ в замочную скважину и открыл настежь дверь. Их глазам предстала невероятная картина. Если верить Хадилю – а не верить ответственному работнику республиканского МВД у секретаря прокуратуры Ольги и майора УИН Надира не было ни малейших оснований – оставил он свою Зарему 40 дней назад в темном пустом чулане. Сейчас же... Нет, в это невозможно поверить... Живая, здоровая, с блестящими огненными глазами, какая-то особенно просветленная Зарема сидела обложенная книгами на разных языках! Такого их количества и названий никогда не было в доме Хадиля! Даже, если предположить, что он втихую по ночам подкладывал жене под дверь книжки, такую массу литературы утащить из лучших библиотек мира и доставить под дверь ветхого чулана размером 2×2 метра, без привлечения к себе внимания было абсолютно немыслимо и невозможно! Книги были древние, огромные, тяжелые, в деревянных, тисненых золотом переплетах на иврите, латыни, греческом, английском, арабском, индийском языках!

Зарема окатила пришельцев несвойственным ей смелым и умным взглядом и твердо сказала:

– Все. Я готова сделать то, что от меня хотят.

– Милая, от-т-куда все это здесь? И как ты себя чувствуешь? Как здоровье? – Хадиля трясло. Он с ужасом думал о том, как Зарема, пропавшая «без вести» на 40 дней и ночей, ставшая притчей во языцех в Душанбе, мысленно похороненная соседями и близкими, оплаканная родственниками, вновь предстанет перед ними! И какая! Да, исхудавшая. Но с каким странным, огненным взглядом! Да что взгляд! Она заговорила на 24 языках Земли!

Хадиль чуть не лишился рассудка, услышав, как Зарема произнесла фразу на классическом английском, потом – на нем же, но с американским диалектом. Хадиль знал этот язык и мог отличить профанацию от натуры. Одного этого было достаточно, чтобы поверить: жена непостижимым образом освоила иностранный язык! В крошечной тьме, без учителей и учебников – в чулане Хадиль не увидел ни единого пособия по языкам, только книги о том, как лечить людей, как спасать тела и души.

Если бы он понимал иврит или индийский, он бы узнал, что книги эти содержали древнейшие учения о человеческой цивилизации, историю людского рода и реинкарнаций (серии воплощений), давали знания о том, как материализовать мечты, как строить мыслями свое счастье на Земле и свои дома на Небе, куда по окончании цикла воплощений должна вернуться каждая душа. В эти странные, никогда прежде не слыханные вещи Хадилю, в недалеком прошлом коммунисту приходилось верить на слово, умом отвергая каждое слово Заремы.

Но если бы не на его глазах все это происходило! Если бы не его жену полосовали незримые ножи! Если бы не на его глазах лопались стягивающие тело Заремы веревки! Если бы не он сам, собственноручно, привел ее в темный чулан и оставил здесь, в глубине души отчаявшись вернуть мать своих детей к нормальной жизни! Если бы он сам не следил денно и нощно за тем, что происходит вблизи чулана, запрещая кому-либо приближаться к нему, чтобы, не приведи Бог, никто не догадался, что следователь уголовного розыска сам своими руками заживо замуровал жену! Хадиль был близок к помешательству.

Зарема вышла из чулана, закрыла его:

– Успокойся, муж! – От этих слов и, главное, от тона, которым была произнесена фраза, Хадиль покачнулся. Восточная женщина даже в страшном сне не могла позволить себе ТАК говорить с мужем.

Зарема улыбнулась:

– Не волнуйся. Со мной все в порядке. Одно плохо. Скоро здесь будет война. Мы должны уйти в горы. А тебе, Надир, с русской женой надо уезжать в Россию. Оля, ты расскажи людям, что Бог есть, что Он каждому из нас определил свою судьбу. И люди должны найти свой путь и следовать ему. Пусть никто не повторит мою ошибку, не отказывается делать то, что Он велел! Пусть каждый прислушивается к внутреннему голосу, к знакам судьбы!

– Как это?

– **Если человек делает дело и у него все получается легко, если на пути он встречает поддержку и помощь других людей и испытывает удовольствие оттого, что делает, значит, он стоит на правильном пути.** Даже, если этот путь представляется другим людям преступным. В этом случае такой человек тоже выполняет Его волю – наказывает других, тех, кто ослушался Его. Если же человек берется за дело, а у него ничего не выходит, он бьется словно головой о стену, считает, что избрал верный путь, но рок или обстоятельства препятствуют ему, значит, допущена ошибка в исполнении предназначения. Значит надо остановиться, пересмотреть свои планы, изменить направление движения мыслей, изгнать из души гордыню, мешающую признать ошибочность своих действий. У тебя, Оля, тоже есть особый дар. Недостаток веры и страх мешает тебе раскрыть способности. Смотри, не повтори моей ошибки! Неверие вынудит Его послать к тебе свое воинство и заставить тебя делать то, что ты должна! Делай выводы, пока не поздно. А ты, Хадиль, объяви всем, кому можешь, что я готова помогать людям!

– Да как я это сделаю? Кому объявлю? И кто мне поверит? И кого ты будешь спасать, если начнется война, и надо уходить в горы?

– Пойди, скажи соседям нашим на улице. Эта весть разлетится быстрее, чем ты думаешь. И именно в горах, где мощная энергетика, где растут целебные травы и есть подземные источники с Божественной исцеляющей водой, я смогу выполнить свой долг. А вера... Она в каждой душе. Вера и приведет людей ко мне. Он сказал, что послал на Землю новую энергию. И я один из ее проводников. Это моя миссия.

Зарема опустила голову и что-то произнесла на разных языках.

Вскоре слава о ней, о невероятных способностях скромной и доселе незаметной таджикской женщины облетела всю Азию. В том месте, куда ушла со всем семейством жить Зарема, в одну из ночей на выжженном солнцем пустыре из земли проступило большое озеро с чистой-шей водой. Огромное количество людей стало приезжать сюда купаться и исцелять любые недуги. Но прежде эти самые люди проходили через посещение Заремы. Мало кому удавалось найти целебное озеро самостоятельно, мало кому Он разрешал избавляться от болезней тела, не исцелив и не очистив душу. Некоторые люди в поисках озера терялись в горах и гибли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.